

Обряд погребения в России в конце XVIII — начале XIX века

Н.А. Четырина

Похоронно-погребальные обряды всегда занимали особое место в ритуалах любого народа. Являясь наиболее консервативными, они отражают представления о смерти и взаимоотношениях живых и мертвых. Их соблюдение родственниками всегда считалось моральным обязательством по отношению к покойному и судьбе его души в мире ином. В ряду представлений о смерти и посмертной «судьбе» человека особое место занимает срок погребения.

Современная историография не может похвастаться обилием работ, в которых исследуется этот вопрос. В книге Терещенко приводятся разноречивые сведения о существовании погребальных обычаев в древности. По одним источникам, тело оставляли непогребенным несколько дней. По другим, более многочисленным и хорошо документированным, погребение обычно происходило в день смерти, или в случае невозможности подготовить гроб или могилу — на второй. Автор пишет о сложной ситуации с погребением родного брата великого князя Ивана III — Юрия. Тело Юрия, пролежавшее в Архангельском соборе четыре дня, митрополит Филипп не разрешал предавать земле «потому только, что не в тот день погребен, когда помер». Лишь вмешательство великого князя спасло ситуацию. Терещенко также приводит информацию писателей XVII в. о погребении покойных до истечения суток. Как особый вариант, в Москве зимой существовал обычай после отпевания покойных вывозить их тела за город в «Божий (убогий) дом» (видимо, аналог современного морга) до весны, когда удобнее будет копать могилу¹.

Исследователь этнографии русского города Рабинович, касаясь вопроса об очередности дня погребения, в основном опирается на записи Флетчера и Олеария, которые рассказывают об этом обряде в XVI—XVII веках. Они приводят сведения о погребениях знатных людей, тела которых могли находиться в церкви до 8 дней, а погребение приходилось на 9-й день после смерти. Рабинович также приводит сведения Флетчера о существовании обычая зимой покойников не предавать земле, а складывать трупы в «Божьем доме» до весны. Эти сведения позднее были дословно приведены и в книге В.Д. Дмитриева о городе Чебоксары².

Наиболее развернутую картину существования и изменения срока со дня смерти до момента погребения у русских на протяжении XI—XIX вв. дает в статье «Время похорон» Сазонов³. Анализируя источники XI—XVII вв., в которых указывалась не только дата смерти, но и дата погребения, он приходит к выводу, что «в более чем половине случаев умерших хоронили в течение суток, чаще всего на следующий день после смерти»⁴. В этот период погребение в течение суток после смерти воспринималось как некая норма, не противоречащая основам православия. Большинство исключений связано с перемещением к месту похорон.

Четырина Наталья Аркадьевна — кандидат исторических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова.

Поворотным в трансформации этой нормы стал XVIII век. 28 января 1704 г. Петр I подписал указ о порядке погребения: «Умерших всяких чинов мужеска и женска пола, которые будут надлежать к погребению у святых церквей, и до трех дней не погребать, а выносить их из домов в церкви, и в третий день их погребать по обыкновению»⁵. Указ регламентировал только нижнюю границу срока (не ранее третьего дня после смерти), верхняя граница оставалась неопределенной. Причина появления новой нормы указом не объясняется и не аргументируется. Сазонов объясняет трехдневный срок текстом из Синодика о воздействии к этому времени тления на тело покойного. К тому же, возможно, в Россию проник распространенный в Европе XVII—XVIII вв. страх быть погребенным заживо в состоянии летаргического сна. Трехдневный срок делал биологическую смерть очевидной. Именно по этой причине «Уложение о наказаниях» середины XIX в. в ст. 1081 за погребение ранее третьего дня предусматривает специальные наказания. В тексте имеется и объяснение такой жесткой регламентации срока похорон: «если впоследствии окажется, что похороненный таким образом человек находился в летаргическом сне или в припадке оцепенения, принятом за смерть, и умер от преждевременного погребения». Несоблюдение трехдневного срока похорон рассматривается как потенциальная попытка погребения живого человека, то есть покушение на его жизнь. Превращение законодательной нормы в сакральную Сазонов объясняет неосознанным желанием людей «освоить эту норму, вторгавшуюся в сферу, где ранее безраздельно господствовала традиция и церковь»⁶.

Этнографы, изучающие современное состояние обрядов и обычаев русского народа, а также их бытование в сравнительно недавнем прошлом, как правило, фиксируют существование погребения на третий день после смерти. Этот факт воспринимается как традиционная норма, напрямую связанная с православным обрядом. Единственным исключением рисуется обряд погребения покойников в «убогих домах», который согласно православной традиции происходил на Троицу⁷. Многие детали, свойственные народному быту в XVII—XVIII вв., были утрачены позднее. В то же время, современный православный обряд впитал некоторые черты, сохранившиеся от дохристианской традиции⁸.

Погребальный обряд всегда был в центре внимания православной церкви. Церковные власти особенно пристально следили за тем, чтобы отпевания и погребения со всеми полагающимися церемониями были удостоены только истинно православные люди. Инструкциями 1697 и 1721 гг.⁹ священникам вменялось не погребать скоропостижно умерших людей без похоронных памятей, то есть без специальных документов, которыми подтверждалось бы, что покойный соблюдал православные обряды и не был самоубийцей. Особо подчеркивалось, что смерть от хмельных напитков лишала человека погребения у церкви. С. Смирнов приводит особенности обрядов отпевания и погребения в разных житейских ситуациях. Для церковной литургической практики важны моменты очередности и состава действий и молитвословий, комплектность одеяний священнослужителей при погребении, возможность или запрет отпевания и погребения на освященной земле, будь то городское кладбище или церковный погост. Срок погребения нигде не оговаривается, за исключением указания на время суток — «погребение совершается до захода солнца»¹⁰.

Исследуя литургические особенности поминовения усопших, епископ Афанасий (Сахаров) основное внимание уделяет констатации очередности молитвословий, объясняет недопустимость самочинных сокращений или несоблюдения установленных правил, так как это «причиняет усопшим только печаль». Обращаясь к истории обряда, он подробно воспроизводит существовавший до появления во второй половине XVIII в. общих городских кладбищ обычай погребения в «скудельницах», «убогих домах» или «Божьих домах» в Семик на Троицу¹¹.

Современные православные издания единодушно указывают: «Предание тела земле по православной традиции погребения усопшего совершается на третий день после его смерти»¹². Таким образом, церковные историки признают эволюцию исторически преходящих форм обряда, хотя применительно к XIX — началу XX в. фиксируют существующую и в настоящий момент норму.

Накопленный историографией опыт свидетельствует, что погребальный обряд не оставался неизменным. В начале XVIII в. решающая роль в изменении обряда принадлежала государству. В конце XIX — начале XX в. обряд приобретает современные черты.

Компенсировать образовавшийся недостаток в знаниях тонкостей этого обряда могут сведения, содержащиеся в метрических книгах. Метрические книги состоят из ежегодных ведомостей о числе родившихся, умерших и сочетавшихся браком, которые составлялись приходским священником. В графе о смерти записи включают порядковый номер, даты смерти и погребения, сословную принадлежность, имя главы

семьи и имя собственное усопшего, соблюдение христианского обряда покаяния, его возраст и место погребения. Хронологический порядок записей в этой графе вполне выдержать не удавалось, так как в случае смерти новорожденного в текущем году, отметка об этом факте и о погребении делалась напротив записи о рождении и, как правило, этим вся информация ограничивалась. Отметка о смерти новорожденного напротив записи о его рождении привела к некоторой хаотичности внутри графы.

Метрические книги Сергиева посада сохранились приблизительно с конца 1770-х годов. Всего в Сергиевом посаде в то время было 6 приходов. За период конца XVIII — начала XIX в. доступными оказались книги трех приходов — Введенского, Успенского и Вознесенского¹³. Хронологически начальной датой стал 1780 год. Завершает выбранный отрезок времени 1812 год (включительно).

Всего за эти годы по данным трех приходов зафиксирован 2591 случай смерти и погребения на территории поселения. Абсолютное большинство умерших — жители Сергиева посада, относившиеся к различным непривилегированным и полупривилегированным сословиям. В их числе: крестьяне, бобыли, разночинцы, штатные служители, купцы, мещане, цеховые, отставные военные, церковнослужители и т. д. При фиксации смерти малолетних детей в записях отсутствует упоминание о соблюдении «христианской должности и покаяния». Зафиксированы 8 случаев смерти от оспы. Особо отмечались случаи смерти без покаяния, с указанием причин — например, скоропостижной смерти, заблуждения в расколе, как следствие специфики заболевания (падучей болезни, горячки, безумия, старческого слабоумия). Общее количество таких ситуаций — 49 случаев. В одном случае зафиксирована смерть от пьянства, но умерший от этого мещанин погребен у церкви, хотя согласно инструкции 1721 г. это делать запрещалось. В 16 случаях была сделана особая отметка о наличии разрешения («билета») на погребение от представителей местных властей. Это — форсмажорные обстоятельства — смерть в пути, от несчастного случая и т. д.

Согласно инструкции Синода 1721 г. погребение умерших скоропостижно людей должно было происходить только при наличии «похоронной памяти». Именно так происходили погребения в столице в конце 1720-х годов¹⁴. В данном случае метрические книги не дают указаний на подобные документы. Возможно, такая ситуация объясняется тем, что покойные были местными жителями, погребения совершались в собственных приходах и священники в таком случае должны были бы выдавать «похоронные памяти» для предъявления их себе же. «Билеты», выданные органами местной власти, скорее всего в принципе не могли содержать сведения о бытии на исповеди и Святом причастии.

Все перечисленные ситуации являются единичными случаями, составляющими доли процента. Практически все погребения (в том числе и умерших от оспы) производились на территории церковных кладбищ и лишь однажды упоминается о существовании «убогого дома». Запись касается погребения умершей 4 апреля 1809 г. заблуждавшейся в расколе жены купца Алексея Яковлева Мокеева, которая «кем и когда на убогом доме погребена не известно»¹⁵. К этому времени во многих городах погребения около приходских церквей уже не совершались, так как существовали городские кладбища. В 1770—1774 гг. было опубликовано несколько указов, регламентировавших порядок отведения мест для городских кладбищ, а также о штрафовании за самовольные погребения при церквях¹⁶. Однако эти новшества не затронули Сергиев посад даже в начале XIX века.

В Сергиевом посаде в этот период количество умерших мужчин и женщин было практически одинаково — 1297 и 1294 соответственно. Почти половина всех погребений приходилась на первый день — день смерти. Более трети погребений совершалась на следующий (второй) день. В третий день, который считается традиционным для похорон православного человека и который с начала XVIII в. уже был закреплен законодательно, было предано земле только 9,88% покойных. В 87 случаях (3,35%) очередность дня погребения установить не удалось. На четвертый и последующие дни приходится всего 64 случая (2,47%), другими словами аналогичные случаи происходили в среднем не чаще 2 раз в году. Это были исключительные случаи. Синодские указы от 23 ноября и 24 декабря 1772 г., описывая случаи погребения тел на 5—6-й день после смерти, идентифицируют их как «дерзкие», следствие взяток и вымогательства¹⁷.

В Сергиевом посаде даже в конце XVIII — начале XIX в. навязываемая законодательством норма погребения усопшего на третий день только начала приживаться. Минуту почти сто лет со дня публикации петровского закона от 28 января 1704 г., а эффективность его внедрения составляла всего около 10%.

В теплые месяцы года возрастает число погребений в первый день и одновременно сокращается количество погребений в третий день. В холодные — наоборот.

Весьма показательная ситуация с захоронениями в июле и августе. На август приходится максимальный пик погребений в первый день — 55,64%, а на июль минимальный пик погребений третьего дня — 5,36%. Показатели погребений третьего дня в июне, июле и августе отличаются не на много. В абсолютных цифрах — это 15, 14 и 16 случаев. На январь приходится максимальное количество погребений третьего дня — 13,85%. Такая ситуация кажется вполне естественной и легко объясняется простыми житейскими причинами.

Максимум захоронений второго дня приходится на февраль — 43,94%, ему немного уступает май — 41,40%, в остальные месяцы цифры варьируются от 31,69 до 38,61%, но прямой зависимости от климатических изменений нет. Таким образом, некоторое влияние времени года на определение дня погребения имеется, но оно не носит решающего характера.

Если проследить закономерность при погребении лиц разных возрастных категорий, то, прежде всего, бросается в глаза грандиозная смертность младенцев в возрасте до одного года. Их число составляет половину всех умерших в Сергиевом посаде за это время. Из них почти три четверти были преданы земле в день смерти, почти четвертая часть — во второй день и только 15 случаев приходится на третий и последующие дни. В 31 случае (2,39%) очередность дня установить не удалось.

В группе детей в возрасте от 1 до 5 лет общее число умерших составляло 277 (10,69%). Из них в первый день похоронили почти 2/3 детей, во второй день — третью часть. На все остальные дни приходится всего 19 случаев (6,86%), другими словами они происходили приблизительно один раз в два года. Таким образом, погребение малолетних детей происходило, как правило, в первый и второй день, причем преимущество было за первым днем. В остальные дни это случалось эпизодически.

В возрастных группах более старшего возраста соотношение меняется. Практически во всех из них почти половина случаев погребений приходится на второй день, а именно: в группах от 5 до 15 лет — 49,02%; от 15 до 30 лет — 52,63%; от 30 до 50 лет — 49,38%; старше 50 лет — 54,01%; для лиц с неопределенным возрастом эта цифра составила 47,06%. С увеличением возраста усопшего доля похорон в первый день меняется волнообразно — сначала резко уменьшается, а в возрасте старше 50 лет снова растет. Доля предания земле на 3-й день изменяется с точностью до наоборот — сначала резко увеличивается, а в возрасте старше 50 лет уменьшается.

Таким образом, налицо определенная тенденция. Абсолютное большинство покойных старались предать земле в течение 1—2 дней, что можно соотнести с древней традицией погребения в первые сутки после смерти. Решающее значение при определении дня погребения, вероятно, имел возраст покойного. Младенцев в возрасте до одного года хоронили преимущественно в день смерти. Погребение лиц старше 15 лет происходило в основном на 2—3-й день. Аналогичная ситуация наблюдалась в Вологодской губернии в XIX веке.¹⁸ Традиция похорон в третий день только начала формироваться в среде простонародья. Наиболее значимо (до 30%) она фиксируется при погребении лиц самого трудоспособного возраста — от 30 до 50 лет. В этом возрасте наименьший процент захоронений в первый день — всего 7,41%.

Чем объяснялась такая вариативность дней погребения по возрастным группам не вполне ясно. Возможно, хлопоты с преданием земле новорожденного были значительно меньше. По сведениям, приведенным Лещенко, «для детей до двух лет гробов не делали. Их клали в выдолбленные из дерева колодки, сверху закрывали крышкой, а чтобы она не отпала, привязывали веревкой»¹⁹. Законодательно установленная плата за погребение взрослого составляла 10 коп., а младенца — 3 копейки. При погребении взрослого человека священники должны были сопровождать тело до кладбища перед гробом в ризах и епитрахили с пением определенных каноном молитв²⁰. О соблюдении такого чина при погребении младенцев сведений нет. Кроме того, ребенок считался практически безгрешным. Видимо, совокупность этих моментов и укорачивала ритуал.

Изменение традиций погребения в дворянской среде происходило иначе. В столицах — в Петербурге и Москве — было запрещено делать захоронения в черте города. Результатом этих запретов стало формирование в дворянской среде традиции семейных захоронений в собственных поместьях рядом с храмом или в ближайшем почитаемом монастыре. Такая практика приводила к тому, что покойного часто невозможно было предать земле ранее 3 дня после смерти. Чаще же на третий день происходило отпевание покойного в церкви, прощание близких, после чего гроб с телом покойного отвозили к месту погребения, иногда достаточно далеко²¹. Все это привело к тому, что в дворянской среде закрепление законодательной нормы погребения произошло уже в XVIII веке. К тому же, в дворянской среде в XIX в. пытались объяснить сложившуюся новую норму очевидностью био-

логической смерти именно к этому сроку. Позднее стали приводить доводы иного, акрального, порядка.

Разница в определении дня погребения, существовавшая еще в начале XIX в., к концу столетия сгладилась. По мнению И.А. Кремлевой, «Различия в похоронной обрядности наблюдались в разных социальных группах (крестьянство, купечество, дворянство), но они, по крайней мере, в XIX в. не носили принципиального характера»²².

Приведенный материал показывает значимость государственных инициатив в формировании обрядовой стороны погребения с одной стороны, а также сложность и длительность их внедрения в повседневную практику — с другой.

Примечания

1. ТЕРЕЩЕНКО А.В. Быт Русского народа. Ч. 2—3. М. 1999, с. 296, 298—299.
2. РАБИНОВИЧ М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М. 1978, с. 260—261; ДМИТРИЕВ В.Д. Чебоксары. Очерки истории города конца XIII—XVII веков. Чебоксары 2003, с. 146—147.
3. САЗОНОВ С.В. Время похорон. История и культура Ростовской земли. Ростов. 1995, с. 50—59. За указание этой статьи автор приносит сердечную благодарность А.В. Лаушкину.
4. Там же, с. 52.
5. Полный свод законов (ПСЗ-1). Т. IV, № 1964.
6. САЗОНОВ С.В. Ук. соч., с. 55—57, 59.
7. ПРОПП В.Я. Русские православные праздники. СПб. 1995, с. 30.
8. КРЕМЛЕВА И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды. Русские. М. 1997, с. 512, 517, 518.; ее же. Похоронно-поминальная обрядность русского населения Пермской обл. Полевые исследования института этнографии. 1978. М. 1980, с. 27; ее же. Похоронно-поминальная обрядность у старообрядцев Северного Приуралья. Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск. 1992, с. 204.
9. ПСЗ-1. Т. III, № 1612, п. 20—22; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. 1. СПб. 1879, № 60, с. 88.
10. СМЕРНОВ С. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М. 1914, с. 93, 510, 513.
11. Епископ Афанасий (Сахаров). О поминовении усопших по уставу Православной церкви. СПб. 1995, с. 30, 49.
12. УСМАНОВ К. Православные обряды: крещение, венчание, погребение. Ростов-на-Дону. 2001, с. 116.
13. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), ф. 2128, оп. 1, д. 16, 19, 54, 55, 128.
14. ПСЗ-1. Т. III, № 1612, п. 20; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. 1. СПб. 1879, № 60, с. 88; ЛЕЩЕНКО В.Ю. Русская семья (XI—XIX вв.). СПб. 2004, с. 334—335.
15. ЦИАМ, ф. 2128, оп. 1, д. 55, л. 66 об.
16. ПСЗ-1. Т. XIX, № 13724, 13803, 13877, 13901, 13927, 13931.
17. ПСЗ-1. Т. XIX, № 13910, 13931.
18. ЛЕЩЕНКО В.Ю. Ук. соч., с. 336—337.
19. Там же, с. 336.
20. ПСЗ-1. Т. III, № 1612, п. 7; Т. XVII, № 12378; Т. XIX, № 13910; Т. XXIV, № 18110.
21. Там же. Т. VII, № 4322; Т. XI, № 8060; Т. XIV, № 10480; КИРИЧЕНКО О.В. Дворянское благочестие. XVIII век. М. 2002, с. 193, 197, 198.
22. КРЕМЛЕВА И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды, с. 518.